

АЛЕКСАНДР СЛАДКОВ

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ВОЙНЫ

РЕАЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ
С ПЕРЕДОВОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С47

В оформлении обложки использован рисунок *О.Н. Кузнецова*

Сладков, Александр Валерьевич.
С47 Обратная сторона войны / Александр Сладков. — Москва :
Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-249638-7

Александр Сладков – в прошлом кадровый офицер, уже более двадцати лет — военный корреспондент ВГТРК. Работал репортёром «Вестей», программы «Зеркало». Теперь он ведущий «Военной программы» на канале «Россия-1». В этой книге — изнанка войны. Афганистан, Донбасс, Чечня, Абхазия, Таджикистан, Сирия. В чём секрет этой книги? Всё просто. Мы наблюдаем за боевыми действиями, разгорающимися на наших экранах. Смотрим на войну глазами военного корреспондента. И так было всегда. Войны разгораются одна за другой. Меняют друг друга и репортёры. Те, фронтовые, по старости уходят в историю. А нынешние... Кто устаёт от профессии, кого переводят в начальники, кто погибает. Но есть и те, что десятилетиями кочуют по передовой. В девяностых это были романтики в джинсах и в маечках, нынешние — в настоящих защитных шлемах и бронежилетах, но с неизменными камерами и микрофонами в руках. Их философия — быть там, где опаснее всего, их цель — снять самые горячие кадры. Не в домашний архив, для нас. Но знаете ли вы, как эти репортёры живут за кадром? Что делают между съёмками и боями там, на войне? Глушат свой страх водкой? Переживают об убитых час назад их знакомых? Мечтают быстрее уехать домой? В этих репортёрских записках как раз можно узнать об этом. Самое главное — здесь ничего не выдуманно. Всё без «красного словца». В этом главная ценность.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-249638-7

© Сладков А., 2026
© Кузнецов О.Н., иллюстрация, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Содержание

Короткими очередями
|реальные истории|

7

Таджикистан
(очередь первая)

15

Абхазия Миротворчество
(очередь вторая)

59

Чечня. Обратная сторона войны
(очередь третья)

81

«Москва-400» горная война
(очередь четвертая)

151

Сражение за Дагестан, Ботлих 1999
(очередь пятая)

255

Афганистан В ожидании США
(очередь шестая)

333

Сирия (очередь седьмая)

357

Донбасс (очередь восьмая)

401

КОРОТКИМИ ОЧЕРЕДЯМИ

|реальные истории|

Дал же Бог хорошую память. Сотни путешествий, с одной войны на другую. По кругу. Одни горы, другие, аулы, кишлаки, города. Тысячи лиц. Но если меня растолкать ночью и спросить, где какие полки воевали и кто ими командовал, — не ошибусь. Потому что знал каждого лично. Мы жили в одних палатках, ходили одними тропами. А сколько было событий? Помню ли я подробности?

Опытный пулеметчик в бою не расстреливает всю ленту разом, экономя патроны. Он бьет короткими очередями, отсекая по две-три пули. Так и память — выдает из закромов не всю картину жизни, а лишь яркие ее эпизоды.

Скажем, первое в жизни редакционное здание.

— Что вы можете?

— Все.

— Хм... Человек, который говорит, что может все, как правило, ничего не может.

Разговор с руководителем радиостанции «Голос России» Абакумовым как-то не клеился. Я уже целый месяц работал в районной газете «Время», когда друзья предложили: сходи на радио, на Пятницкую, договоримся. Нашлись какие-то знакомые... Впрочем, почему «какие-то»? Приличные, хорошие люди. И вот Алексей Владимирович, вежливый, тактичный человек лет тридцати, в очках, с длинными волосами, в демократичной джинсовой куртке, аккуратно прощупывает меня на предмет профпригодности (или непригодности).

— А не могли бы вы сделать материал... Хм, на тему... Скажем, «Армия и политика»?

— Конечно, могу, — зачем-то вру я.

— Посмотрите... Ну, интервью военных можете записать, свои мысли...

Я получаю в радиийной каптерке обтянутый кожей пластмассовый ящик. И раскладной микрофон. Авантюра...

Через несколько дней я снова на Пятницкой. Протягиваю главреду кассету, на ней интервью с несколькими высокими генералами и маршалом Шапошниковым.

— Ого, молодой человек, да вы кое-что можете! Даже Шапошников у вас! Главнокомандующий Вооруженными силами СНГ! И как это вам удалось?

— Я ж вам говорю, я могу все!

— Ну что ж, продолжим наши контакты!

О том, что все эти военачальники живут у нас на дачах, в Монино, и что мне не составило труда внаглую просто взять да и постучаться к каждому, — я умолчал. Ради большой журналистики.

Я часто потом брал интервью у больших начальников. Иногда они были озабочены делами мира, но чаще — войной.

Дальше Таджикистан. Начало девяностых, зима. Душанбе, а в нем все с оружием. Группировки: «вовчики», «юрчики», «шурчики». Стайки боевиков, греющиеся у костров, как революционные матросы в семнадцатом. Боевики, настороженные и гогочущие, ссыпающие с ладоней под языки свой жгучий на-свай. Раскрашенные БТРы, разъезжающие по широким проспектам, а на них — революционные полевые командиры, боевик Файзали и шашлычник Сангак. Вы можете идти по обычной восточной улице, запруженной тележками и людьми. Свернуть в переулок, а там — никого. Тихо. Только бородатый человек в грязном военном бушлате, аккуратно заглядывающий за угол с автоматом Калашникова на изготовку. И вдруг стрельба!!!!

Потом палящее лето. На горных дорогах — грузовики с телами российских солдат, погибших на афганской границе. Душанбинский военный госпиталь, забитый ранеными под завязку. Паленая водка «Араки-руси» и кислое местное пиво. Плов, шурпа, лагман. Дымящиеся мангалы и таджикский шашлык, нанизанный маленькими кусочками мяса на короткую шпажку. Долгое ожидание вертолета на аэродроме, в надежде перелететь в Пянджский отряд, оттуда в Московский, а потом в Калай-Хумб, Хорог, Ишкашим... Пыль, жара и стрельба...

Приднестровье. Бои на легендарном мосту в Бендерах. Вспухшие тела румынских и молдавских военных, лежащих на асфальте после отбитой атаки на город. Винные погребки и жестокое похмелье от «Букета Молдавии». Российские добровольцы, обозленные казаки и улетающие за великую реку «эрэсы». И такие же, прилетающие с той стороны.

Абхазия. Бомборы, Бобушары и Гумиста. Штурм Сухума, летящие вниз тела грузинских «афганцев», обороняющих верхние этажи желтого здания республиканской администрации. Убитый фотокор Андрей Соловьев, пытавшийся снять, как эти тела слетают прямо на объектив. Мамалыга и копченое мясо, горящий очаг в абхазских апацках. Кодорское ущелье и его дороги, забитые угнанными автобусами и троллейбусами, оставленными бегущими в Грузию сванами.

Распадающаяся Югославия. Кажущийся благополучным Загреб, явно прифронтовой Белград и осажденный Сараево. Боснийский Мостар, разделенный рекой Неретвой. По одну сторону — целый и невредимый, благоухающий хорватский сектор, на другом берегу — разбитые кварталы сектора мусульманского. Сербска Краина, бывшая линия фронта, место, где впервые погибли российские репортеры: Геннадий Куренной и Виктор Ногин. А рядом домик убийцы. И та самая горка, с которой по «Опелю» журналистов ударили из гранатомета.

Первая Чечня. Реки грязи и крови. Испуганные солдаты и хохочущие боевики. Бандеровец Сашко Белый, дающий мне интервью у Дворца Дудаева. Разрушенный Грозный, забитые трупами городские колодцы и страшные рвы на Славянском кладбище, тоже заваленные телами: мирных русских, греков, немцев, армян. Горные села Ярышмарды и Дачу-Борзой, а рядом — сожженная колонна пехотного полка. Сотня разбитых машин, десятки трупов. Хасавюртовский мир и тысячи пропавших без вести пленных, с той и с другой стороны.

Афганистан. Очередная война. Вертолетные путешествия из Душанбе в Панджшер к недавним врагам-моджахедам. Верхом на ящиках с российским оружием и мешками афганских денег, напечатанных у нас на Урале, в Перми. Полевой командир Ахмад Шах Масуд. Русский язык, который вдруг слышится и в кишлачных лавчонках-дуканах, и среди моджахедов, и просто на улице. Фатальная афганская философия — «иншалла» — на все воля Божья, будет что будет.

Вторая кампания на Кавказе. Атакованный Дагестан. Пугающий шепот:

«Басаев и Черный араб — Хаттаб! Они нас разобьют!» Распухшие от жары тела российских солдат на камнях высохшего русла реки. Горящие подбитые вертолеты на Ботлихском аэродроме. Модная песня «Мальчик хочет в Тандо», которую пели перед штурмом горы Черепаха, рядом с которой и находилось село Тандо. Обезглавленные трупы десантников на горе Ослиное Ухо. Народное дагестанское ополчение и избитые в кровь первые пленные боевики. Наконец, поход в Чечню. Мой пятый по счету штурм Грозного. Двухнедельная битва за село Комсомольское. Я, идущий по центральной улице разрушенного села. И мои ноги, соскальзывающие с мертвых тел и голов, замаскированных пылью и грязью. Горное село Улус-Керт. Гибель шестой роты в бою с двумя тысячами атакующих боевиков.

А вот Ирак. Багдад. Везде портреты Саддама. На здании телеграфа — с телефонной трубкой, на турагентстве — в пляжной шляпе и с удочкой, на военной базе — в черных очках и в камуфляже. По городу гуляй — не хочу. Ужин с водкой и яствами в ресторане — четыре доллара на восьмерых. Вода дороже бензина. Памятник Али-Бабе и сорока разбойникам. Ошалелые журналисты в погоне за иностранными экспертами, а те в погоне за бак-оружием. И наконец, штурм. Американцы в Багдаде. Всеобщий грабеж. Вискарь и параболические антенны в открытой продаже. Первый порнофильм в кинотеатре, первый теракт. Демократия! Свобода — превыше всего. Да здравствует свободный Ирак! С миллионом последующих взрывов и похорон.

Снова Афганистан. Пахнет вторжением. Американская бомбардировка сухими пайками. И появление этих пайков на базаре, по доллару за пакет. Убийство благородного Ахмад Шах Масуда арабскими террористами и жующие жвачку солдаты из Аляски, Аризоны и т. д., шагающие вдоль афганских дувалов. Опиум, гуляющий по стране в грузовых отсеках больших «Геркулесов» авиации США. Вселенский бардак.

А теперь Цхинвал. Война. Бегущие в тыл сильные и вооруженные осетины. Идущие на смерть российские батальоны. Психотропное оружие. Таблетки иностранного «озверина» в желудках яростных грузинских солдат. И чуть позже — эти же солдаты в плену: отошедшие, оттаявшие, милые и застенчивые, чистящие картошку на тыловых кухнях российских полков. И скала над бурной рекой Лиахвой, словно стена Рейхстага: *«Здесь была разведка 429-го полка!»* Рядом крупнее: *«8-928-... Педикюр-маникюр. Звоните! Мадина»*.

Пуля, что сидит во мне, — хорошее подспорье для памяти. Не случайный осколок, не шальная зараза, предназначенная всем и никому. Эта летела конкретно в меня. И если бы не майор, закрывший меня собой, уже и писать было бы некому. Латунный снаряд со стальным сердечником, калибром

5,45, сначала прошел через его тело, а потом очутился в моем. Разве такие мгновения из памяти выветрит время?

Каждые пять-десять лет у России война. Закономерность. Погибшие, раненые, оставшиеся инвалиды. Потраченные миллиарды. Но война тоже приносит некоторые дивиденды. Выработка патриотизма, необходимого стране, как диабетика инсулин. Объединение вокруг лидеров. Победы, в напоминание о великом прошлом и настоящем.

Да-да, как ни странно это звучит: миру нужна война. Возьмите наших «друзей» за океаном. Вот уж кому враг просто необходим. Всегда. Враг маленький и большой. С одним можно справиться, чтоб предъявить обществу все ту же победу. А большим врагом можно пугать народ. И сенат, пополняя военный бюджет.

А у нас, если нет фронтовых сводок пять лет, шесть, семь, — растет напряжение. «Пятидневная война» давно в истории, с кем дальше? Япония и Курилы? Арктический шельф и Норвегия? Провидение не стало плести лабиринты и «подарило» нам Юго-Восток. Хотя... Еще неизвестно, что было бы хуже, война с НАТО или с самими собой. И вот мои коллеги, взяв свои рюкзаки, потянулись в Донбасс.

Это в кино мы, репортеры, постоянно пьем водку и непрерывно спим с прекрасными дамами. Только в кино возможно вглядываемся в ночное окно, вытирая пот и вспоминая войну. В жизни нам некогда. Хотя... Столько пройдено, столько друзей похоронено, а вспоминается быт какой-то, вагончики, палатки, посиделки. В общем, все то, что осталось за кулисами этого бесконечного путешествия. Мои дети называли меня «дядя папа», из-за редких наших свиданий. Жена давно не реагирует на приезд и отъезд. Будто я ухожу в магазин, а возвращаюсь из соседней комнаты. На работе таких, как я, не жалеют, потому что мы сами себя не жалеем. Мы, как шарик пинг-понга, сегодня в одном месте, где стреляют, — завтра в другом.

ТАДЖИКИСТАН

[очередь первая]

Ваня

*Что рассказать вам о войне,
Что рассказать, ребята?
Она все время снится мне,
Смогу ль забыть когда-то?*

(Иван Майборода)

Ваня плакал. Он ходил между развалинами и выл по-бабьи, иногда останавливался, затихал, прислушивался — и двигался дальше, по-детски всхлипывая, как от нехватки воздуха. Потом он вдруг садился на корточки, сцеплял пальцы в замок и, раскачиваясь на ступнях, начинал что-то быстро-быстро шептать, разговаривая то ли с ветром, то ли с окружающими горами. А может быть, с самим собой.

Ваня